

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ КАК ВАЖНЫЙ ПРИЕМ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА СОЛДАТА В ПОВЕСТИ Ф. ФЮМАНА «ЭДИП-ЦАРЬ»

Игра социальными ролями, – отмечает В. А. Маслова, – является интересным приемом, в котором отражается социальное взаимодействие индивидов в литературной коммуникации [2, с. 92]. Существуют различные классификации ролей, предложенные А. Б. Добровичем, Е. Ф. Тарасовым, Л. П. Крысиным и др. Мы же вслед за У. Герхардтом и Э. С. Азнауровой выделим статусные, позиционные и ситуационные роли как наиболее приемлемые для анализа художественного образа персонажа с точки зрения игры социальными ролями.

Под статусной ролью будем понимать пол, расу, классовую принадлежность, вероисповедание. Позиционная роль указывает на место личности в системе социальных отношений (например, профессор-студент, начальник-подчиненный). Необходимо отметить, что ввиду сложности общественных отношений индивид может играть несколько позиционных ролей. Ситуационные роли (например, роль обидчика, жены, любовника) накладываются на роли позиционные и статусные. Итак, проследим, как прием игры социальными ролями помогает немецкому художнику слова Ф. Фюману создать реалистичный образ солдат вермахта в повести «Эдип-царь».

В качестве примера возьмем сцену, где командир подразделения связистов капитан Иоганн Нейберт передает под наблюдение ефрейтора Хорста П. молодую гречанку, которую фашисты берут с собой на задание в качестве переводчика. Интересным представляется следующий текстовый фрагмент: «Когда капитан передал девушку под наблюдение П., тот схватил ее за руку поверх плеча и больше не чувствовал, что держит девушку: в эту минуту то был враг, а не девушка, да и не человек почти, – он думал лишь о том, чтобы не дать пленнику вырваться, бежать, и, даже когда последовал приказ залечь в укрытие, он резким движением грубо рванул его на землю; но теперь, когда они сидели на коротких ядунах, не столько разделенные, сколько связанные тонкой воздушной перегородкой, и он слышал ее дыхание, ощущал запах ее волос, видел ее затылок и вдохнул аромат ее кожи, – теперь в нарастающем смутении он осознал, что держит за руку девушку, и он постепенно ослабил жесткую хватку пальцев, пока она не стала неким прикосновением. <...> ...он на одно сердечное биение подумал: «Беги, девушка, милая девушка, беги! Беги, – думал он, – я не стану тебя задерживать!» [4, с. 409].

В приведенном отрывке Ф. Фюман очень точно прослеживает душевные движения персонажа и его поведение, изменение которых непосредственно зависит от социальной роли, которую играет солдат. Так, ослепленный фашистской идеологией солдат Хорст П., выполняющий приказ своего капитана, груб и бессердечен, что подтверждают оценочные эпитеты резкий (резким движением), грубо (грубо рванул) и избранные глаголы рвануть в значении «дернуть резко, схватить рывком» [3, с. 67] и хватать в значении «брать резким, быстрым движением руки или зубов, рта» [3, с. 801], которые называют и характеризуют действие одновременно, равно как и лице его совершающее [1, с. 44]. Лексемы враг, пленный не только свидетельствуют о негативном отношении Хорста-солдата к гречанке, но и нивелируют половые различия, усиливая идею обезличивания человека.

Влюбленный юноша Хорст, очарованный красотой девушки, напротив ласков и нежен, что на языковом уровне находит свое выражение в антонимии эпитетов жесткий-нежный и лексем хватка-прикосновение, использовании эпитета милый (милая девушка). Он даже на короткое мгновение близок к тому, чтобы проявить милосердие и отпустить гречанку, о чем свидетельствует анафорический повтор глагола

бежать в форме повелительного наклонения (беги). Восклицательный знак подчеркивает взволнованное состояние персонажа на синтаксическом уровне.

Известие об обнаруженной и обезвреженной мине вырывает ефрейтора П. из состояния одухотворенности и возвращает его к суровой действительности, ситуационная роль влюбленного уступает место позиционной роли солдата: «И тут П., стиснув руку своего пленного, рывком поднял его на ноги с яростной жадью пнуть сапогом в живот – этого врага, это чудовище, что улыбалось лицом прелестной девушки и чьи коварно спрятанные львиные когти метили во все живое: а-а-а! – наступить врагу на глотку, свалить его с ног, растоптать, разорвать на части» [4, с. 410].

При помощи данного текстового фрагмента немецкий писатель высвечивает истинную сущность своего персонажа. Метафора яростная жадья указывает на то, что сильный гнев и злость немецкого солдата порождают у него страстное желание доставить пленнице страдания и даже уничтожить ее, что в свою очередь прослеживается в использовании отрицательно окрашенных словосочетаний и лексем, актуализирующих семы «боль», «смерть»: пнуть сапогом в живот, наступить на глотку, свалить с ног, растоптать, разорвать на части. Отметим также, что, расположенные по принципу восходящей градации и связанные посредством бессоюзной связи, вышеречисленные выражения сигнализируют о внутренней эмоциональной напряженности солдата. Повтор указательного местоимения (этот, это) интенсифицирует отрицательную оценочность лексем враг, чудовище, входящих в номинационный ряд молодой гречанки. Так ефрейтор П. создает для себя лишенный человеческого облика образ хитрого и опасного врага, не позволяющий больше сочувствовать и сострадать ни в чем не повинной девушке.

В отличие от ефрейтора Хорста П., который только помышляет свести счеты с пленницей, капитан Нейберт вымещает на девушке все свои негативные эмоции: «...Капитан ринулся к девушке, которую П. по-прежнему держал за руку, и с резким всплеском хлестанул ее по лицу справа и слева, и продолжал хлестать, когда у той носом хлынула кровь и полилась на рот и подбородок, и, продолжая хлестать окровавленными ладонями, кричал: – Свины, свины вы, свины! – И то был его собственный стыд и позор, это его исхлестывал он кровавыми руками – и вдруг остановился, удивленно глядя на ту, что безмолвно стояла, не плача и не крича, – и вдруг лицо его поблекло, две глубокие складки залегли у рта, взгляд поник, скулы обозначились резче, кровавая рука повисла, и медленно, бесконечно медленно, капитан отвернулся и взгляд его уперся в необъятное небо, раскинувшееся над камнями, и капитан почувствовал, что его сейчас вырвет, но тут к нему обратился фельдфебель, а там капитан чальник отряда саперов явился с докладом, а там в небе замелькали коршуны и опять заржал мул, а там все и прошло» [4, с. 410–411].

Таким образом, приведенный фрагмент, оформленный как авторское описание с включением прямой речи персонажа, рисует образ другого, еще неизвестного читателю Иоганна Нейберта – Нейберта-фашиста. В отличие от лояльного и доброжелательного профессора Нейберта, капитан Нейберт проявляет такие черты характера, как агрессивность, жестокость и злоба, грубость, что ощутимоказывается на его поведении: капитан не только поднимает руку на беззащитную девушку, но и жестоко и продолжительно избивает ее. Полипот хлестанул-хлестать, продолжал-продолжая свидетельствуют об этом на языковом уровне. Предельный накал эмоций отражается и в речи капитана, на что указывает глагол кричать в авторской ремарке, а также точный повтор стилистически сниженной лексемы свины, включенной в реплику персонажа для характеристики греков. Эмфатичность фразы подчеркивает и финальный восклицательный знак.

Итак, социальная роль неотделима от поведения и поступков персонажей, что проявляется в их речи. Прием игры позиционными и ситуационными ролями позволяет писателю Ф. Фюману проследить трансформации, происходящие в социальном и речевом поведении немецких солдат, что способствует созданию ярких и глубоких образов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста : учеб. пособие для студ. пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / В. А. Кухаренко. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
2. Маслова, В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : Выш. шк., 1997. – 156 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «ИТИ Технологии», 2008. – 944 с.
4. Фюман, Ф. Избранные / Ф. Фюман. – М. : Худож. лит., 1973. – 495 с.

Скоропанова И. С. (Минск, Беларусь)

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ ВСЕВОЛОДА НЕКРАСОВА

Достижения некоторых авторов в литературе XX столетия мы постигаем с опозданием, так как в советскую эпоху они не имели возможности печататься. В их числе – русский поэт, представитель андеграунда Вс. Некрасов. Значима его роль в обновлении литературного языка. Словотворчество поэта имело целью преодоление языковой изношенности, идеологизма, разрыва между означающим и означаемым. Данная проблема интересовала не одного Вс. Некрасова, но именно он вместе с В. Сосновой делит первое место в русской поэзии второй половины XX века по объему созданных им авторских неологизмов, каковых у Вс. Некрасова более двухсот.

Вот их перечень: «антистих», «антипротон», «антинуклон», «антикапрон», «антибелый», «антисвет», «антивоздух», «антинет», «антида», «антиморда», «анти-античепуха», «антихвост», «ошибать», «пахнутые», «ахнутые», «насеровано», «Миссисипибиси», «кыште», «можней», «тоготоготоготоготавота», «Москов», «маловолнечно», «соснечно», «ноча», «зимаша», «фонария», «светофория», «воздухоохранилище», «холодоход», «тучит», «рассамара», «никогдавно», «самоуважающемсяя», «экстОза», «лонжюможности», «недовознесенского», «сокольницы», «апрелёнок», «апрелята», «ёлкино», «снегота», «снеготаялка», «трус», «можней», «давители», «потома»¹, «хуебин», «прогнозника», «даки», «кагыбы» / «кагъбы», «образие», «такпросто», «воттакие», «сексучая», «сексучка», «сик-сиксвальный», «снегушки», «мызамир», «полупароход», «полупаровоз», «бегак», «либет», «продо лжаемте», «Продолжаем-лжаем», «лге», «крытики», «соц-принуд-реализм», «охолуеть», «охолуительно», «охолуенно», «холуятня», «рабёньши» с «палачатами», «мыстика», «кампуцисты», «ахидея», «Сдержинского», «вечистская», «припономарёвье», «продвижник», «мордодержавие», «россисгский», «землята», «берлинственно», «разуниверзитетштатт», «тызнаешьчто», «чертзнаетчто», «холдингование», «дарум», «засозерцало», «перехрень», «ЦДЛССПКПСС», «КГП», «несоседей», «ИСКUNSTBO», «МАНИпуляции», «фальшивоМАНИтчики», «Гройс-Виссен-унд-Гезель-Шафа», «нихтзайн-мейстеры», «сссытынист», «аукционизм», «иртеться», «иртюшки», «игрюшки», «пригушки», «пригота», «пригоритеть», «пригать», «телемизианые <лектории>», «эпштейнат», «парфенчики», «русее» / «русей», «лианозовость»,

¹ «После потома» есть и у И. Бродского; но, скорее всего, авторы создали окказионализм независимо друг от друга.